

Цинь Ванру была оцепенена. Слова Чу Тьешенга были подобны ножам, которые снова и снова глубоко вонзались в ее сердце.

Когда она была моложе, она влюбилась в Чу Чжунтяня с первого взгляда. У них двоих появились чувства друг к другу, и их свадьба была наполнена счастьем и блаженством. Это продолжалось до тех пор, пока он не получил серьезную травму более десяти лет назад...

Она глубоко любила своего мужа. По сравнению с ее любовью, такая проблема вообще не имела большого значения.

Поначалу это все еще было терпимо. Однако она была женщиной, и притом зрелой женщиной.

Время от времени она могла лежать без сна глубокой ночью. Однако Цинь Ванру не показывала этого, так как не хотела ранить чувства своего мужа.

Такие экстремальные и противоположные чувства с годами привели к тому, что ее характер стал намного горячее. Было много случаев, когда она знала, что должна промолчать, но неконтролируемый поток эмоций мог легко сбить её холодный разум.

Если бы действительно появилась возможность, что она могла бы как-нибудь тайно, и если бы никто об этом не узнал... Возможно она бы и..

Цинь Ванру пришла в ужас, как только эта мысль появилась у нее в голове, она немедленно подавила ее. Она знала, что наркотик в ее организме начал оказывать серьезное воздействие, и что он даже начал влиять на ее мысли и суждения.

Однако она знала, что в ее нынешнем состоянии она никак не сможет одолеть Чу Тьешенга. Она могла только притворяться, что подыгрывает.

Она убрала прядь волос со щек и заправила ее за ухо. Этого простого движения было достаточно, чтобы глаза Чу Тьешенга расширились, во рту пересохло, а сердцебиение ускорилося. Если бы он не боялся, что она может дать сдачи, он, возможно, уже набросился бы на нее.

Желание в его глазах наполнило Цинь Ванру отвращением. Однако она сохранила самообладание и сказала: "Как я могу быть уверена, что ты никому об этом не расскажешь?"

«Что?» Чу Тьешенг был ошеломлен, на мгновение потеряв способность реагировать. Он подумал, что каким-то образом неправильно расслышал ее.

Цинь Ванру пережила ужасное чувство, нахлынувшее на нее. Она намеренно сделала свой тон более мягким, когда сказала: "Я спрашиваю тебя вот о чем: если я действительно подчинюсь тебе, как я узнаю, что ты просто не пойдешь против нашего соглашения и не разболтаешь об

этом каждому встречному? Разве это не уничтожило бы мою репутацию?"

“Так вот о чем ты беспокоилась”. Чу Тьешенг наконец-то понял. Богиня, по которой он тосковал день и ночь, наконец-то расслабилась. Экстаз захлестнул его. “Не волнуйся! Я никогда об этом не расскажу!”

Цинь Ванру усмехнулась. “Обыкновенные слова очень ненадежны. Почему я должна доверять твоим пустым обещаниям? Вот почему... вот почему ты не можешь использовать записывающий камень, чтобы записывать... записывать свой поступок”.

Младший брат Чу Тьешенга мгновенно встал по стойке «смирно», когда услышал эти слова. Ее тон явно подразумевал, что она согласна на его просьбу!

Он быстро согласился с этим. “Конечно, конечно, конечно! Я не буду использовать записывающий камень!”

Если бы Цинь Ванру действительно согласилась быть с ним, то запись их действия больше не имела бы значения.

В конце концов, весь смысл записывающего камня состоял в том, чтобы иметь возможность заново пережить опыт этой ночи.

Однако, если Цинь Ванру согласится на его условия, он сможет просто найти ее всякий раз, когда захочет в будущем.

Кроме того, как только они проделают это несколько раз и станут гораздо ближе друг к другу, она, возможно, даже больше не будет отказывать ему в ухаживаниях. Наверняка, прямо сейчас она просто обеспокоена последствиями.

“Тогда... ты должен быть человеком своего слова”, - сладко сказала Цинь Ванру.

“Конечно! Пусть небеса поразят меня молнией, если я откажусь от своего слова!” Сказал Чу Тьешенг. “Невестка, единственное, чего я когда-либо хотел, - это ты... Поскольку ты уже согласилась на мою просьбу, зачем мне рисковать? Чу Чжунтянь практически умер, так что я не возражаю взять тебя в качестве своей официальной жены. Это, несомненно, сделает все еще более захватывающим для нас двоих в будущем”.

Он больше не мог сдерживаться. Он бросился на нее. “Невестка, ты не представляешь, сколько лет я мечтала об этом дне...”

Небольшая его часть все еще подозревала что что-то неладно, так как Цинь Ванру, казалось, внезапно вела себя слишком странно. Однако похоть уже овладела им. Кроме того, она уже была поражена «Бычьими сливками». Он отбросил свои сомнения и решил дать волю чувствам.

Вид ее прекрасного лица и мысли о том, что это потрясающее, хорошо сложенное тело скоро окажется в его объятиях, привели Чу Тьешенга в такое возбуждение, что он почувствовал, что вот-вот взорвется. Очевидно, на этот раз он сделал правильный выбор.

Хотя Цинь Ванру, возможно, и выглядела застенчивой снаружи, внутри она все еще была холодной.

Как раз в тот момент, когда Чу Тьешенг собирался обнять ее, она выставила ладонь, ударив его в середину груди. Вся ее сдерживаемая ярость была полностью сосредоточена в этом единственном ударе.

“Ах...” Чу Тьешенг жалобно взвизгнул, падая навзничь. Он не ожидал, что этот прекрасный цветок, который, казалось, был готов к тому, чтобы его сорвали, внезапно превратится в растение-людоеда.

Сердце Цинь Ванру было полно сожаления. Если бы она была в отличной форме, ее удар наверняка искалечил бы его, если бы не убил сразу.

Однако ее сила и скорость были снижены действием наркотика. Вот почему ее удар ладонью нанес лишь умеренный урон.

Она как раз собиралась воспользоваться этой возможностью, чтобы покончить с его жизнью, но волна жара захлестнула ее, как только она сделала один шаг, и все ее тело обмякло.

“Черт возьми!” Она удержала равновесие, облокотившись на колонну рядом с собой. Если бы она потянула еще немного времени, то, возможно, действительно была бы осквернена этим отвратительным человеком.

Она упустила возможность убить своего противника, поэтому больше не осмеливалась медлить. Она быстро разбила окно и выпрыгнула наружу.

Она в замешательстве огляделась вокруг, приземлившись на землю возле своей комнаты. В её спальне был такой переполох — охранники должны были немедленно примчаться!

Однако в поле зрения не было видно ни единой души.

Она была шокирована. Похоже, план Чу Тьешенга был глубоко продуман. Скольких людей в поместье Чу он подкупил?

Она не осмеливалась больше терять время. Она побежала прямо к резиденции Хун Чжуна.

В поместье Чу были два человека, которым Цинь Ванру и ее муж доверяли больше всего: дворецкий Хун Чжун и командир Юэ Шань. Недавно Юэ Шаня перевели для расследования некоторых дел.

Теперь, когда она подумала об этом, выезд Юэ Шаня скорее всего был частью плана Чу Тьешенга. Возможно, он все это затеял только для того, чтобы отвлечь Юэ Шаня.

Слава богу, у нее все еще был Хун Чжун!

Без Юэ Шаня единственным, кому она полностью доверяла, был Хун Чжун.

В то время как другие могли бы предать ее мужа или ее саму, он определенно бы этого не сделала.

Такое доверие получилось не только потому, что он служил клану Чу на протяжении многих поколений. У нее также было четкое понимание его натуры после стольких лет общения с ним.

Он был стар, мудр и чрезвычайно дотошен. Его характер был честным и непоколебимым.

Она отчаянно побежала в направлении его резиденции, несколько раз споткнувшись по пути.

Странные чувства — знакомые и в то же время незнакомые — постоянно нахлынывали на нее, заставляя чувствовать стыд и ярость одновременно. Единственное, о чем она сейчас думала, — это найти Хун Чжуна и попросить его о помощи. Клан Чу столкнулся с суровым испытанием.

Она выбежала прямо во двор и постучала в дверь. "Старейшина Хун, старейшина Хун!"

Дверь быстро открылась. Хун Чжун вышел с растерянным выражением на лице. "Мадам, почему вы здесь?"

"У меня нет времени объяснять. Чу Тьешенг взбунтовался. Я не знаю, сколько людей вступило с ним в сговор. Тебе нужно быстро собрать несколько человек, чтобы арестовать его..." Ее глаза расширились от шока, и она замолчала, не успев закончить. Рука Хун Чжуна быстро взметнулась, поражая ее акупунктурные точки со смертельной точностью. Она потеряла возможность двигаться.